

ЖЭНЬ СЮЭ

**ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА
НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ
И ДИПЛОМАТИЮ КИТАЯ ВО ВРЕМЯ
ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ЦИН
(1644–1840 ГГ.)**

В статье оценивается влияние конфуцианства на внешнюю политику Китая при правлении династии Цин с момента установления ее власти в Северном Китае в 1644 г. до первой Опиумной войны в 1840 г. Автором сделан вывод о связи конфуцианских догматов с политикой самоизоляции империи Цин в XVIII в.

Ключевые слова: Китай; Маньчжурия; империя Цин; конфуцианство; внешняя политика; дипломатия; церемониал; самоизоляция.

REN XUE

**THE INFLUENCE OF CONFUCIANISM ON CHINA'S FOREIGN
POLICY AND DIPLOMACY DURING THE QING DYNASTY
(1644–1840)**

The article evaluates the influence of Confucianism on China's foreign policy under the rule of the Qing Dynasty from the establishment of its power in Northern China in 1644 to the first Opium War in 1840. The author concludes that Confucian dogmas are connected with the policy of self-isolation of the Qing Empire in the XVIII century.

Keywords: China; Manchuria; Qing Empire; Confucianism; foreign policy; diplomacy; ceremonial; self-isolation.

Завоевание Северного Китая маньчжурами в 1644 г. положило начало существованию новой династии, вошедшей в историю под названием династии Цин. До 1840 г. Цинская империя находилась на пике могущества. Во второй половине 1640-х гг. власть цинских императоров распространилась на Южный Китай. В начале 1680-х гг. цины окончательно закрепились на китайских землях (включая Тайвань). С конца XVII до начала XIX вв. в состав Цинской империи были включены Халха, Внутренняя Монголия, Джунгария, Кашгария (Восточный Туркестан). Также цинские императоры стремились усилить влияние в Тибете, на Алтае и в Центральной Азии, Приамурье, Вьетнаме, Корее, Мьянме, Таиланде (Сиаме), Непале. В результате Цинская империя стала одной из крупнейших империй в Азии и доминирующей силой в Восточной Азии. Информация о ней широко распространилась в странах Европы и в России, вызвав у правителей этих стран повышенный интерес и желание укрепить с ней торговые связи.

Спецификой управления Цинской империей было то, что ей управляли неханьцы (маньчжуры), воспринявшие часть идейных установок прежних китайских правителей. Важное место в этом отношении занимало конфуцианство (неоконфуцианство). В частности, в 1657 г. при императоре Шуньчжи был создан кабинет по конфуцианским каноническим книгам [14, с. 185]. В 1669 г. император Канси возглавил министерство обрядов, в круг обязанно-

стей которого входили контроль за почитанием Конфуция. Во дворце императора появился специальный зал Чуаньсинь для проведения конфуцианских церемоний [14, с. 186].

После завоевания Китая маньчжуры, которые изначально были шаманистами, стали чуть ли не большими конфуцианцами, чем сами основоположники этого учения [11, с. 339]. Новая правящая династия поощряла верноподданных интеллектуалов, присуждая им ученые степени, предоставляя должности чиновников и щедро оплачивая их участие в официальных литературных и научных проектах, связанных с конфуцианством [11, с. 341]. Следствием такой политики стало издание множества значимых для китайской классики и традиционной культуры книг, наиболее известными из которых являлись «Гу цзинь ту шу цзи чэн» («Собрание древних и современных книг») и «Сы ку цюань шу» («Коллекции книг по четырем разделам») [16, с. 23]. Конфуцианские каноны были положены в основу системы образования и правовой системы империи и являлись обязательными для всех [11, с. 338–339]. «Четыре книги» и «пять классических произведений» Конфуция активно использовались при проведении императорских экзаменов (их проведение возобновилось в 1678 г.).

В конце XVII в. цинским правителям удалось сломить сопротивление китайских интеллектуалов-конфуцианцев и подключить их к управлению империей [10, с. 213]. При этом поддержка была оказана наиболее идеалистическому и реакционному направлению неоконфуцианства – учению Чжу Си, возникшему во второй половине XII в. Основной упор в этом учении делался на жесткую регламентацию взаимоотношений людей в обществе и выделение их обязанностей, т.е. на сохранение и укрепление государственной власти. В 1721 г. император Канси (Сюань) присвоил Чжу Си посмертный титул «выдающегося гения» [11, с. 108].

Активно используя конфуцианские догматы при управлении империей, цинские правители применяли их и в отношении внешнего мира. Идеологической основой внешней политики империи Цин являлась древняя китайская концепция о господстве «Сына Неба» (императора) над другими народами Вселенной. В соответствии с этой концепцией, Китай являлся центром Вселенной, а народы, которые его окружали, – подчиненной ему периферией, населенной «варварами». Правители «вассальных народов» были обязаны регулярно присылать «Сыну Неба» «дань», являться к его двору и выполнять его требования (главным из них являлось оказание военной поддержки). В качестве «варваров периферии» воспринимались не только народы, проживавшие по соседству с Китаем, но и народы с отдаленных территорий (из европейских стран и России) [2, с. 51]. К примеру, в 1655 г. император Шуньчжи поблагодарил русского царя Алексея Михайловича за приобщение к цивилизации и присланную дань и предписал ему «быть послушным и преданным» [2, с. 5]. В том же году император отреагировал на прибытие посольства из Голландии следующим образом: «Голландия искренне проявляет по-

чтение и долг, привозя дань морем. Так как их путь опасен и далек, приказываю прибывать ко двору [с данью] один раз в восемь лет. Этим [решением] выражаем сочувствие отдаленному народу» [2, с. 53].

Придя к власти в Китае с помощью силы, цинские императоры допускали возможность силового подчинения «непокорных варваров», не желавших приобщаться к имперской цивилизации. Использование силы они рассматривали в качестве важного элемента приведения мира в состояние гармонии [12, с. 187]. Император Цяньлун (1735–1796 гг.) вообще считал силу основой «мироустройства», хотя при этом исходил из того, что злоупотреблять оружием не следует, а «узду нужно сочетать с поучением» [10, с. 221–222]. Идеалом, с его точки зрения, было проявление силы без применения оружия [10, с. 223].

По понятным причинам цинские правители в числе прочих народов выделяли маньчжуров. Император Канси (1661–1722 гг.) заявлял, что воспринимает маньчжуров и ханьцев как «одну семью». В 1691 г. он даже объявил о том, что значение Великой китайской стены как символ разделяющий китайцев и «северных варваров», больше не существует [13, с. 110]. Во время его правления на маньчжурский язык были переведены многие классические труды китайских авторов (включая произведения конфуцианцев). В отличие от своих предшественников Канси расширял участие китайских «ученых мужей» (шэньши) и помещиков в штатской администрации, что поспособствовало «китаизации» имперского государственного аппарата [1, с. 277]. Также при нем конфуцианское образование стало распространяться среди маньчжурской знати [11, с. 108].

В конце XVII в. в число народов, составляющих «одну семью», были также включены монголы, однако единство достигалось посредством их маньчжуризации [2, с. 66; 11, с. 111].

При преемнике Канси, императоре Юньчжэне (1722–1735 гг.) была опубликована книга «Дайцзяоми лу» («Книга о пробуждении чувства долга в заблудших»), в которой опровергались традиционные представления о «варварах» и китайцах и содержалось утверждение, что маньчжуры и ханьцы являются одной семьей. Маньчжурская династия Цин была объявлена легитимной династией Китая, правление которой предопределено небесным порядком и не может быть поставлено под сомнение. Публикация «Книги» привело к корректировке прежних представлений о китайцах и «варварах», сглаживанию различий между китайской и «варварской» культурами и укреплению национальной идентичности и верности правящей династии. Особо подчеркивалось, что маньчжуры «установили порядок в Поднебесной не силой оружия, а «исключительно благой силой дэ» [10, с. 212].

Большинство стран, с которыми контактировала Цинская империя (Корея, Рюкю, Вьетнам, Мьянма, Цейлон, Лаос), рассматривались ею в качестве «вассалов» или «стран императорских подношений». Контакты с ними включали классические элементы: выполнение церемониала «коутоу» (троекратного коленопреклонения и девятикратного земного поклона); вручение инве-

ституты; предоставление «вассалу» соответствующего ранга в китайской иерархии и княжеских титулов дзасаков; принятие китайской системы административного устройства и признание «мироустроительной» функции китайского императора, принятие «варваром» китайского летоисчисления для датировки посланий; регулярная присылка соответствующим образом составленных грамот; периодическое прибытие «посольств» ко двору; уплата символической «дани»; институт заложенчества (аманатства) и «воспитания наследника» при китайском дворе; «предъявление преемника на границе»; аудиенция у императора; получение ответных даров; предоставление права перемещения по Китаю. При неисполнения соседями вышеперечисленных норм они наказывались, а в случае невозможности сделать это «презирались» и «игнорировались» [6, с. 77].

Ко второй категории были отнесены отдаленные иностранные государства, с которыми цинский Китай поддерживал торговые отношения (Россия, Франция, Великобритания, Испания, Португалия, Голландия и т.д.). Дипломатические процедуры с ними в большей мере напоминали современную дипломатию, хотя некоторые традиционные правила китайской дипломатии распространялись и на них (запрет на длительное пребывание в столице, требование выполнить «коутоу» и запрет на ношение оружия на церемонии приема у императора и т.п.).

Согласно цинским установкам, «варвары» не могли долго пребывать в столице Поднебесной – Пекине. Им разрешалось приходить сюда на непродолжительный срок для передачи «дани» и изъявления покорности императору [11, с. 109]. Также правители Цинской империи отказывались устанавливать с зарубежными государствами полноценные дипломатические отношения и не разрешали открывать иностранные посольства в Пекине [11, с. 109]. Соответственно, дипломатические представительства империи не создавались за ее пределами, более того, цинские императоры не стремились направлять посольства за рубеж даже на временной основе. Первое цинское посольство побывало в Европе (в России) лишь в 1713–1714 гг. [11, с. 119].

Прием посла императором рассматривался в Пекине как большая честь. До встречи с правителем Цинской империи прибывшие в ее пределы иностранцы должны были пообщаться с имперскими чиновниками или евнухами, которые определяли, возможен ли допуск посольства к императору, и обговаривали церемониальные детали приема. Нередко императорские чиновники проявляли в отношении иностранных послов грубость, высокомерие, открыто демонстрировали свое «превосходство», выступали с угрозами, затягивали ответ на обращения [1, с. 384]. По правилам, сформировавшимся еще до воцарения цинской династии, иностранные послы должны были отрепетировать «коутоу» перед табличкой с титулом императора или пустым тронном под наблюдением церемониймейстера цинского двора [1, с. 386]. Послов, проявивших «неуважение», просто не допускали на аудиенцию к «Сыну Неба».

В некоторых случаях цинские императоры могли отступить от жестких церемониальных норм. В частности, Канси во время приема русского посла Л. В. Измайлова в январе 1721 г. пожал ему руку, лично принял переданное послание русского царя, побеседовал с послом и согласился принять все привезенные им подарки в знак уважения к русскому монарху (при этом посла все же принудили выполнить обряд «коутоу») [7, с. 51–53; 12, с. 524].

Отступал Канси от установленных норм церемониала и при общении с дипломатами римского папы. В 1703 г. на церемонии приема папского легата де Турнона он вступил в дискуссию относительно правомерности соблюдения конфуцианских ритуалов китайцами, принявшими католическую веру [8, с. 36–37].

Следует отметить, что Канси прекратил практику гонения на христиан, существовавшую при его предшественниках. Он не препятствовал переходу китайцев в христианство, разрешил строить христианские храмы в империи, покровительствовал иезуитам, хотя при этом жестко пресекал попытки римских пап вмешиваться в конфессиональные дела империи [1, с. 279, 284]. Благосклонно Канси отнесся и к деятельности русской духовной миссии в Пекине, начатой в 1715 г. [9, с. 9–10]. Особенностью распространения христианства в Цинской империи являлось сочетание веры в Христа с поклонением Конфуцию и духу предков [1, с. 283]. Менее благосклонно Канси относился к мусульманам, деятельность которых он воспринимал как угрозу существованию империи [5].

Цинские правители сохранили практику опеки посольств местными чиновниками. Иностранцам, входящим в состав посольств, на всем пути их следования по территории империи бесплатно предоставлялись транспортные средства, корабли, лошади, жилые помещения, продукты питания и т. д. Их охрану обеспечивали специально направленные войска. По прибытии в столицу гости останавливались в специальной гостинице, а все расходы по их содержанию брало на себя имперское правительство. Также послов одаривали подарками, часть из которых предназначалась направившему их монарху.

Также в Цинской империи сохранилась система, согласно которой «данническими» отношениями с иностранцами занимались различные ведомства. В частности, к компетенции Ведомства церемоний (Либу) были отнесены вопросы отношений с Вьетнамом, Сиамом, Мьянмой, Непалом, Кореей, Люцю, Японией и странами Европы, к компетенции Палаты по делам даннических территорий (Лифаньюань) – вопросы отношений с Халхой, Цинхаем, Джунгарией и Тибетом [11, с. 109]. В 1728 г. в компетенцию Лифаньюань были переданы вопросы отношений с Россией (решение было принято с согласия российского правительства, заинтересованного в торговле с Китаем) [11, с. 118].

В соответствии с догматами конфуцианства, отрицавшими необходимость поддержания внешних торговых связей, цинские правители рассматри-

вали такие связи как своеобразную форму «дани». Соответственно, торговые суда, прибывавшие из-за рубежа, в Цинской империи рассматривались как «даннические корабли», а привезенные ими товары – как «даннические товары». Иностранные послы считались «посланниками с данью», а привезенные ими документы – «данническими письмами» [15, с. 21]. «Представление иноземцами дани» объявлялось в китайских источниках единственной целью большинства прибывавших в Китай иноземных миссий [2, с. 7]. В 1649 г. китайским купцам было запрещено торговать за пределами империи [1, с. 380]. В 1716 г. Канси запретил торговать с иностранцами медью и цинком [1, с. 380].

Маньчжурские правители империи Цин, как и их предшественники из китайской династии Мин, не поощряли морскую торговлю. Политика «морского запрета» стала осуществляться в 1656 г. Жителям прибрежных районов Гуандуна, Фуцзяни, Чжэцзяна, Цзянсу и некоторых районов Шаньдуна было предписано переселиться вглубь страны [17].

После смерти Канси политика цинских правителей стала еще более консервативной. Стремясь к укреплению основ конфуцианства, император Иньчжэнь усилил давление на буддистов, христиан и мусульман. В 1724 г. он приказал изгнать католических миссионеров из всех провинций империи, указав на то, что они вмешиваются в ее внутренние дела и призывают подданных императора к неповиновению [1, с. 286–287]. Во время правления Иньчжэна было закрыто около 300 христианских храмов [1, с. 305]. При преемнике Иньчжэна императоре Цяньлуэ в 1760-х гг. был наложен запрет на строительство новых мечетей и совершение паломничества (хаджа) в Мекку [4, с. 123].

Очередные ограничения были наложены на морскую торговлю и на перемещение китайцев и маньчжуров за рубеж. Подданным цинских императоров было запрещено покидать пределы империи и проживать за рубежом, общаться с иностранцами и изучать их языки. Запрет был наложен на строительство крупных кораблей и на выход в открытое море. В 1733 г. из империи был прекращен вывоз железа, в 1759 г. – шелковых тканей [1, с. 380]. Иностранцам запрещалось ввозить в империю медь, свинец, железо, олово и селитру и торговать на ее внутреннем рынке рисом и бобами, шелком-сырцом и шелковыми тканями [1, с. 381]. Торговать с иностранцами могли лишь уполномоченные корпорации, деятельность которых контролировалась правительством [1, с. 381]. В 1757 г. Цяньлун запретил иностранную торговлю во всех портах, кроме Гуанчжоу. Тем самым он завершил процесс «закрытия» Цинской империи [1, с. 382].

«Закрытие» империи сопровождалось усилением пропаганды превосходства Поднебесной над другими странами и народами. Со всей очевидностью это проявилось во время приема Цяньлуном английского посла Макартнея в 1793 г. На просьбу посла о налаживании свободной торговли с

Цинской империей и установлении полноценных дипломатических отношений (в западном понимании), изложенную от имени короля Георга III, император ответил лично составленным посланием следующего содержания: «Вы, о государь, живете далеко на пределах многих морей и тем не менее, движимый смиренным желанием приобщиться к благам нашей цивилизации, послали миссию, почтительно доставившую Нам ваше послание. Серьезные выражения, в которых оно составлено, обнаруживают почтительное смирение с Вашей стороны, что весьма похвально. Что касается Вашего ходатайства об аккредитации одного из Ваших подданных при Моем Небесном Дворе для наблюдения за торговлей Вашей страны с Китаем, то таковая просьба противоречит всем обычаям Моей династии и никоим образом не может быть принята. Если Я распорядился, чтобы дары дани, присланные Вами, о государь, были приняты, то это было сделано, исключительно принимая во внимание чувства, побудившие Вас прислать их издалека. Великие подвиги Нашей династии проникли во все страны Поднебесной, и государи всех наций суши и морей посылают свои ценные дары. Как Ваш посол может сам убедиться, мы имеем абсолютно все. Я не придаю цены странным или хитро сделанным предметам и не нуждаюсь в изделиях Вашей страны. Трепеща, повинуйтесь и не выказывайте небрежности» [1, с. 389].

Закрытость империи проявлялась и в запрете иностранцам изучать китайский язык, а китайцам – содействовать им в этом [1, с. 382].

Однако стремление цинских правителей закрыть страну от иностранцев не приводило к снижению активности последних. Португальцы, англичане, голландцы, французы, датчане, шведы, немцы, русские и другие народы предпринимали настойчивые попытки добиться облегчения режима торговли с Цинской империей. Повышенную активность в этом отношении проявляла английская Ост-Индская компания, закрепившаяся в Индии. В конце XVIII в. интерес к Цинскому Китаю стали проявлять США: в 1784 г. в Гуанчжоу впервые прибыл торговый корабль из этой страны, в 1786 г. в Пекин был направлен первый дипломатический представитель США С. Шоу [3, с. 111].

Закрытость не способствовала решению внутренних проблем Китая, создавая лишь иллюзию стабильности и превосходства Цинской империи над другими странами и народами. В 1833 г. во внешней торговле империи впервые возник пассивный баланс [3, с. 120]. Внешнее давление в сочетании с ростом внутренних проблем (главными из них были увеличение населения при отсутствии пригодных для возделывания земель, разложение государственного аппарата, обострение противоречий между ханьцами и маньчжурами, идеологический кризис и технологическое отставание Цинской империи от стран Европы) привели империю к кризису, который проявился во время первой Опиумной войны, начавшейся в 1840 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокщанин, А. Лики Срединного царства. Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая / А. Бокщанин, О. Непомнин. – М.: Ломоносовъ, 2015. – 432 с.
2. Внешняя политика государства Цин в XVII веке / А. А. Бокщанин, Г. В. Мелихов, Л. И. Думан, И. С. Ермаченко]; Отв. ред. Л. И. Думан ; АН СССР, Ин-т востоковедения. — Москва : Наука, 1977. — 385 с.
3. Дацышен, В. Г. Новая история Китая: учеб. Пособие / В. Г. Дацышен. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. – 346 с.
4. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. / Российская акад. наук, Ин-т Дальнего Востока ; гл. ред. С. Л. Тихвинский. – М.: Наука – Вост. лит., 2014. – Т. VI. Династия Цин (1644–1911) Отв. ред. О. Е. Непомнин ; Ин-т востоковедения РАН. – 886 с.
5. История, современность и будущее мусульман Китая // ИА IslamNews. – URL: <https://islamnews.ru/Istorija-sovremennost-i-budushhee-musulman-Kitaja?ysclid=m2ex7rgvza464196423> (дата обращения: 17.10.2024).
6. Корсун, В. А. Тюрко-монголо-тибетские государства и проблема регенерации «даннической системы» с воцарением династии Цин / В. А. Корсун // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2014. – № 6 – С. 76–79.
7. Круглова, М. С. Посольство посла Измайлова в Китае. Перевод с итальянского фрагмента мемуаров Маттео Рипы / М. С. Круглова // Вестник ММА. – 2017. – №1–2. – С. 46–53.
8. Круглова, М. С. «Спор о ритуалах» как пример культурного конфликта Востока и Запада / М. С. Круглова // Манускрипт. – 2018. – № 5 (91). – С. 34–38.
9. Ли, Цзинчэн. Из истории русской духовной миссии в Пекине с 1715 по 1860 годы (по китайским материалам) / Цзинчэн Ли // Международные отношения и диалог культур. – 2016. – №5. – С. 7–33.
10. Мартынов, А. С. Традиция и политика в период Цяньлун / А. С. Мартынов // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. – М.: Наука, 1982. – С. 207–230.
11. Непомнин, О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века / О. Е. Непомнин. – М.: Вост. лит., 2005. – 712 с.
12. Санин, К. А. Китайская империя или прообраз ответственной глобальной державы: дискуссии о Цин в КНР и на Западе / К. А. Санин // Восток (Orient). – 2021. – № 4. – С. 185–194.
13. 黄松筠. 明清在东北治边政策之比较 / 黄松筠 // 社会科学战线. – 2003. – № 2. – Р. 107–111. = Хуан Сонъюнь. Сравнение пограничной политики в Северо-Восточном Китае во времена династий Мин и Цин / Хуан Сонъюнь // Фронт социальных наук. – 2003. – № 2. – С. 107–111.
14. 苗润田. 中国儒学史(明清卷) / 苗润田. = Мяо Жунъянь. История конфуцианства в Китае (при династиях Мин и Цин) / Мяо Жунъянь. – Гуанчжоу: Гуандунское образовательное издательство, 1998, – 303 с.
15. 钱实甫. 清代外交机构 / 钱实甫. = Цянь Шифу. Дипломатические институты династии Цин / Цянь Шифу. – Пекин: Жизнь, Чтение, Книжный магазин Синьчжи Саньянь, 1959. – 309 с.
16. 孙淑秋. 试论清朝对汉族的政策 / 孙淑秋 // 满族研究. – 2011. – № 1. – Р. 22–27 = Сунь Шуцю. Попытка обсуждения политики династии Цин по отношению к ханьцам / Сунь Шуцю // Маньчжурские исследования. – 2011. – № 1. – С. 22–27.
17. 徐明德. 论十四至十九世纪中国的闭关锁国政策 / 徐明德 // 清史研究 = Сюй Миндэ. О политике закрытых дверей в Китае с XIV по XIX век / Сюй Миндэ // История династии Цин. – 2006. – Режим доступа: <http://http://www.qinghistory.cn/qsyj/ztyj/zwgx/2006-10-19/25617.shtml>. – Дата доступа: 02.10.2024.

Информация об авторе:

Жэнь Сюэ – аспирант Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь.